

КН ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

И

КРИЗИСЪ ПАТРІОТИЗМА.

Цѣна 3 руб

Ростовъ на Дону

1919

Событія германской революціи бро ають неожиданно яркій свѣтъ на то, что совершается у насъ, въ Россіи. То, что до сихъ поръ многимъ изъ насъ казалось исключительно русскимъ, теперь оказывается **общимъ, мировымъ**.

Мы склонны были до послѣдняго времени **сбъяснять** крушеніе русской государственности чисто мѣстными причинами, — чудовищнымъ вырожденіемъ русскаго абсолютизма „распутицей“, „отсутствіемъ патріотизма“ у русскаго народа, словомъ, болѣзнями, однимъ намъ свойственными. И вотъ, на нашихъ глазахъ, тотъ же недугъ заразилъ Австро-Венгрію, Германию и грозитъ заразить весь міръ.

Конечно, есть черты отличія между происходящимъ у насъ и у нашихъ сосѣдей, но въ общемъ, **существенномъ** есть поразительное сходство. Вездѣ революція есть дитя войны. Отсюда — цѣлый рядъ явленій, повторяющихся всюду.

Вездѣ мы видимъ революцію по преимуществу военную, **солдатскую**; всюду сила „вооруженнаго народа“, раньше служившая цѣлямъ защиты государства противъ внѣшняго врага, становится или грозитъ стать источникомъ величайшей внутренней опасности. И, наконецъ, одно и то же парадоксальное превращеніе совершается въ Германіи и въ Россіи: изъ **милитаризма рождается большевизмъ**.

Тутъ есть прямая логическая и жизненная связь. Всеобщая воинская повинность въ дни войны призвала къ оружію весь народъ, а большевизмъ использовалъ это всеобщее вооруженіе въ цѣляхъ войны классовой, гражданской. Оружіе, выкованное современнымъ милитаристическимъ государствомъ, обратилось противъ него. Это — естественное послѣдствіе милитаризма, его **Немезида**. Нужно ли удивляться, что и въ Россіи, и въ Германіи, и въ Австріи онъ пришелъ къ одной и той же катастрофѣ?

Современное империалистическое государство не только создало тот технический аппарат, без коего большевизм не был бы возможен: оно посвятило тот соблазн, из которого большевизм родился. Уже задолго до начала мировой войны, войной были отравлены все взаимные отношения народов; къ ней все готовились, все вооружались съ головы до ногъ для взаимнаго истребленія; ради нея все платили неизомѣрную тяжесть налоговъ. Самый миръ народовъ былъ въ сущности лишь перемиремъ. Въ немъ чувствовался тяжкій гнетъ войны грядущей.

Война господствовала надъ всею государственной жизнью, давала ей содержаніе и цѣль. Все воспитывалось въ мысли, что эти приготовления и жертвы нужны для спасенія народа. Въмѣсто того они привели къ всемірной катастрофѣ, которая поставила народы Европы на край гибели. Война **обнажила** бессмыслицу современной государственной жизни: она создала ту тяжесть страданій, за которую не въ состояніи вознаградить никакая побѣда. Военное государство нѣзависимо времени утратило свое оправданіе: оно оказалось грандіознымъ обманомъ; тѣмъ самымъ надъ нимъ былъ произнесенъ его смертный приговоръ. Когда въ широкихъ массахъ возникло подозрѣніе, что ихъ годами готовили къ бессмысленной бойнѣ, онѣ вывели отсюда заключеніе, что подлинный ихъ врагъ не внѣшній, а внутренній, и что для борьбы съ этимъ врагомъ должно быть использовано данное народу государствомъ вооруженіе. Тогда совершился тотъ **поворотъ войны фронтомъ внутрь**, который годъ тому наздѣ ясно опредѣлился въ Россіи, а теперь уже совершается на нашихъ глазахъ въ побѣжденныхъ центральныхъ державахъ.

II.

Теперь мы видимъ, до чего поверхностно то ходячее воззрѣніе, которое объясняло событія «русской революціи» специфически русскимъ отсутствіемъ патріотизма и противопоставляло русскому космополитизму «патріотическій подъемъ» Германіи. Объясненіе это одинаково несправедливо и по отношенію къ русскимъ, и по отношенію къ нѣмцамъ. Безпристрастный обзоръ событій показываетъ, что какъ подъемъ, такъ и упадокъ патріотизма не составляетъ ничьей монополіи.

Тѣхъ, кто говорить объ **изначальномъ** отсутствіи патріотизма у русскаго народа, я прошу вспомнить наше общественное настроеніе 1914, 1915 и 1916 годъ въ. Въ ту пору русскія войска спасли Парижъ своимъ походомъ въ Пруссію, дважды разгромили Австрію, а въ 1915 году совершили **безъ ружей и безъ снарядовъ** изумительное отступленіе передъ вооруженнымъ съ головы до ногъ противникомъ, и въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ сумѣли сохранить внутреннюю боевую силу. Всѣ эти факты служатъ доказательствами могучаго національнаго подъема: въ то время мы всѣ его испытывали. Потомъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, всѣмъ извѣстныхъ, послѣ подъема наступилъ упадокъ. Но, развѣ не упадокъ національнаго чувства то, что мы видимъ теперь въ Германіи? «Подъемъ» у нѣмцевъ былъ могущественнѣе и, во всякомъ случаѣ, продолжительнѣе, чѣмъ у насъ; но, во всякомъ случаѣ, упадокъ у нихъ не слабѣе нашего, и выражается съ совершенно въ тѣхъ же явленіяхъ, какъ и въ Россіи.

Читая нѣмецкія газеты въ первые мѣсяцы революціи, нерѣдко приходилось испытывать впечатленіе, словно нѣмцы, еще столь недавно воодушевленные и объединенные лозунгомъ Deutschland, Deutschland über alles*, забыли и про родину, и про внутреннюю угрозу ея безопасности: они сосредоточились, исключительно, на мысли о **врагѣ внутреннемъ**. Для однихъ этотъ **внутренній врагъ**—«господствующіе классы», которые хотятъ отнять у народа всѣ завоеванія революціи». Для другихъ это, наоборотъ,—«группа Спартака» или, по просту говоря «большевизмъ», сильно распространенный среди матросовъ, могущественный въ Гамбургѣ, и въ особенности—въ **Берлинѣ**. Характерно, что въ Германіи, какъ и у насъ, главнымъ центромъ большевизма оказался наиболѣе могущественный центръ прежней государственной жизни, онъ же и центръ милитаризма. И, какъ у насъ Москва, такъ въ Германіи Берлинъ служилъ предметомъ ужаса менѣе радикально настроенныхъ областей. На этой почвѣ у нѣмцевъ быстро возрастала сепаратизмъ, вызванный тѣми же мотивами, какъ и у насъ. Какъ въ Россіи главнымъ мотивомъ отдѣленія Украины, Финляндіи, Дона былъ страхъ «большевистской Москвы», такъ и въ Германіи рейнскія провинціи и южно-нѣмецкія государства мечтали отдѣлиться, «чтобы только не быть съ Берлиномъ». Дѣло доходило

*) Германія превыше всего.

уже до переговоровъ этихъ частей Германіи о сепаратномъ мирѣ съ непріятелемъ; газеты по этому поводу выражали опасеніе, что грозить возвратъ къ средневѣковому дробленію нѣмецкаго государства и пугали социалистовъ грядущей англо-французской оккупацией, которая «уничтожитъ всѣ завоеванія революціи». Между строкъ въ этихъ увѣщаніяхъ чувствовалось желаніе нѣкоторыхъ группъ, чтобы завоеванія резолюціи были въ самомъ дѣлѣ отняты, и чтобы порядокъ былъ обезпеченъ **нѣмъ угодно**, хотя бы французами. Даже умѣренные социалисты начинали мечтать о расширеніи зоны англо-французской оккупации «въ цѣляхъ сохраненія порядка». Этотъ успѣхъ «союзнической оріентации» въ Германіи—одно изъ наиболѣе пикантныхъ и вмѣстѣ неожиданныхъ современныхъ явленій.

Патріотизмъ въ Германіи, какъ и въ Россіи теперь подтачивается съ двухъ сторонъ, борется съ двумя противниками. Это, во-первыхъ, старый рабочій интернаціонализмъ, который вдохновляется лозунгомъ Маркса—«пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», во-вторыхъ, интернаціонализмъ **буржуазный**, который слѣдуетъ противоположному, еще не высказанному, но тѣмъ не менѣе, дѣйственному девизу: «**буржуи всѣхъ странъ, соединяйтесь**». Въ этихъ двухъ девизахъ выражаются два основныхъ современныхъ фактора—разложенія государства и разложенія націи.

По существу интернаціонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ націонализмомъ и составляетъ прямую его противоположность. Но въ наши дни чисто классовые интересы нерѣдко побуждаютъ его надѣвать націоналистическую маску. Развѣ мало теперь людей, всѣмъ своимъ существомъ чуждыхъ украинству, которые заявляли себя сторонниками украинской самостоятельности ежедневно потому, что они ждали отъ Петлюры и Винниченко раздѣла помѣщичьихъ земель и имущественнаго уравненія. А немного раньше, при гетманѣ, къ «украинизму» нерѣдко побуждали классовые мотивы противоположнаго свойства. Развѣ мы не знали между недавними имперіалистами изъ русскихъ и даже москвичей людей, которые вчера заявляли себя «украинцами», а сегодня готовы быть чѣмъ угодно—финляндцами или украинцами, чтобы только не быть москвичами и подданными Ленина! Собственно говоря, это буржуазный интернаціонализмъ. Тотъ фактъ, что онъ поддѣлывается подъ націонализмъ и для этого облекается то въ

синій жупанъ, то въ иной національный костюмъ, не долженъ вводить въ заблужденіе. Слѣдуетъ строго отличать этотъ фальшивый, лицемѣрный націонализмъ отъ подлиннаго патриотизма, который отличается отъ него, какъ день отъ ночи.

И въ Россіи, и въ Германіи въ наши дни классы нерѣдко мѣняются ролями: вчерашніе централисты становятся сепаратистами и, наоборотъ, по классовымъ мотивамъ вчерашніе анархисты становятся централистами. Такъ, въ Германіи въ числѣ приверженцевъ централизма мы видимъ теперь на первомъ планѣ сторонниковъ социализаціи орудій производства: они утверждаютъ, что для осуществленія социализма въ широкомъ масштабѣ нужно сохранить могущественный государственный аппаратъ прежней имперіи. Лѣвый нѣмецкій социализмъ централистиченъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и нашъ московскій большевизмъ; централистиченъ будетъ безъ сомнѣнія и нѣмецкій большевизмъ, если онъ когда-либо восторжествуетъ! А къ центробѣжнымъ теченіямъ въ Германіи теперь нерѣдко присоединяются тѣ буржуазные элементы, которые испуганы перспективою осуществленія социализма «въ широкомъ масштабѣ». Это и есть тотъ классъ, среди котораго въ дореволюціонную эпоху насчитывалось всего больше сторонниковъ имперіализма и пангерманизма.

III

Какъ видно изъ предыдущаго, тотъ кризисъ патриотизма, который переживаетъ современная Россія, представляетъ собою, такимъ образомъ, ни болѣе ни менѣе, какъ частное продолженіе всемірнаго кризиса. Тотъ фактъ, что этотъ же кризисъ переживается и Германіей—страною, повидимому, явившей міру столь яркіе образцы патриотическаго воодушевленія, доказываетъ, что дѣло тутъ вовсе не въ изначальномъ отсутствіи патриотизма. До сихъ поръ единая Германія была для нѣмцевъ земнымъ божествомъ, идоломъ, которому онъ поклонялся. И вотъ теперь этотъ идолъ пошатнулся; его начали растаптывать многіе изъ его вчерашнихъ поклонниковъ. Чѣмъ это обусловливается? Очевидно, тѣмъ, что въ самомъ существѣ этого патриотизма есть какой-то изъянъ, дѣлающій его неспособнымъ выдержать тягчайшія испытанія.

Въ самомъ подъемѣ патриотизма, который, такъ или иначе переживался всѣми воюющими народами, таился зародышъ

послѣдующаго кризиса. Между этимъ подъемомъ и упадкомъ нашихъ дней есть прямая жизненная связь. Такая же точно связь есть въ живомъ организмѣ между болѣзненнымъ подъемомъ температуры и послѣдующимъ крайнимъ ея паденіемъ во время кризиса. И подъемъ, и паденіе тутъ служатъ симптомами одной и той же роковой смертельной опасности. Причинная зависимость этихъ двухъ явленій совершенно очевидна. Паденіе температуры наступаетъ вслѣдствіе истощенія силъ, вызваннаго ихъ подъемомъ.

Очевидно, что въ видимомъ подъемѣ патріотизма воюющихъ народовъ скрывалась нѣкоторая всѣмъ имъ общая, всемірная болѣзнь, которая и была обнаружена войною. Въ чемъ же она заключалась?

Причина, разгорѣвшейся у насъ и у нашихъ сосѣдей анархической смуты, заключается, очевидно не въ томъ, что война потребовала отъ народовъ небывалыхъ неслыханныхъ жертвъ. Раньше бывали войны и болѣе продолжительныя, длившіяся десятками лѣтъ, и въ дни военныхъ бурь Родина всегда требовала отъ своихъ сыновъ высшей жертвы — отдачи имущества, жизни и даже готовности идти на пытки. Если теперь народы не выдерживаютъ тяжести этихъ испытаній, это обусловливается, конечно, появленіемъ въ наши дни новаго соблазна, невѣдомаго предшествующимъ поколѣніямъ. Переходъ войны международной въ войну классовую ясно показываетъ, что это за соблазнъ.

Въ критическую минуту люди промѣняли Родину на классовую выгоду. Общаніе земного райа за счетъ имущихъ классовъ — вотъ искушеніе, которому народы подвергались и раньше, но которому оказались не въ силахъ противостоять народы современные, — всѣ тѣ народы, у которыхъ революція совершается, и всѣ тѣ, у которыхъ она еще совершится. Уграта духовныхъ цѣнностей, эгоизмъ, для котораго рай чувственный, матеріалистическій есть высшее, безусловное — вотъ та всемірная болѣзнь, которая подточила національное чувство и у насъ, и въ Германіи, и въ Болгаріи. Кто знаетъ, остались ли еще на свѣтѣ народы, совершенно недоступные этой заразѣ?

Не со вчерашняго дня она появилась, и не въ однѣхъ только коммунистическихъ теоріяхъ она выражается. Большевикъ, открыто исповѣдующій и преподающій въ школахъ матеріалистическое міропониманіе — прямой преемникъ и про-

должатель современнаго имперіализма... Отчего возникла міровая война? Оттого, что раньше большевистскихъ агитаторовъ имперіализмъ манилъ народы перспективами земного рая, оттого, что одни народы стремились „къ лучшему мѣсту подь солнцемъ“ за счетъ другихъ народовъ, раньше захватившихъ лучшія мѣста. Развѣ не та же самую цѣль преслѣдуетъ теперь война гражданскія? Что такое большевизмъ, какъ не то же исканіе лучшаго мѣста „подь солнцемъ“ за счетъ другихъ людей, та же беспощальная, безчеловѣчная и безсовѣстная борьба за существованіе, котрая составляетъ содержание идеала имперіалистическаго? Только на мѣсто „націй“ завоевателемъ становится классъ!

Недавно въ рѣчи, сказанной на собраніи демократической партіи, извѣстный германскій профессоръ Веберъ указывалъ на забвеніе духовныхъ цѣнностей, какъ на главную причину крушенія современной Германіи. Изобличая плоскій житейскій матеріализмъ, обуявшій всю государственную и общественную жизнь, онъ находилъ, что внѣшняя политика Германіи стала чѣмъ-то вродѣ лошадиного барышничества, а политика внутренняя стала похожа на торговлю рогатымъ скотомъ (Kuhhandel).

Въ этихъ словахъ есть глубокая правда! То распаденіе государства и націй на враждующіе классы, которое замѣчается теперь во всѣхъ обнятыхъ революціоннымъ пожаромъ странахъ, составляетъ прямое послѣдствіе господствующаго въ общественной жизни матеріалистическаго жизненчувствія. Я говорю здѣсь не о матеріалистическомъ ученіи, а о матеріализмѣ практическомъ, житейскомъ. Въ сѣмъ дѣлѣ, въ области интересовъ матеріальныхъ, экономическихъ, отдѣльные общественные классы и отдѣльныя лица безнадежно раздѣлены между собой. Имущіе и неимущіе, хозяева и рабочіе, землевладѣльцы и земледѣльцы могутъ составлять единую націю, лишь поскольку они связаны между собою нѣкоторымъ духовнымъ единствомъ, которое возвышается надъ противоположными экономическими интересами, нѣкоторой общою національною святыней, во имя которой и классъ и личность должны поступаться своими выгодами.

Гдѣ же, однако, теперь эта общая людямъ святыня? Развѣ мы не живемъ въ эпоху крушенія всякихъ святынь, всякихъ духовныхъ связей между людьми? Развѣ люди, которые мечтаютъ о „соціалистическомъ“ или о „буржуазномъ“ отечествѣ, не

утратили самое понятіе отечества? Для подлиннаго, почвеннаго патріотизма „отечество“ это—„земля отцовъ“, земля, которую съ великими трудами и жертвами собирали и устроили предки, земля, освященная великимъ страданіемъ и подвигами предшествующихъ поколѣній, орошенная ихъ кровью, а потомъ согрѣтая великою, святою любовью. Такое отечество мы любимъ, какъ нашу мать или какъ нашего отца, любимъ просто, безкорыстно, не задаваясь оскорбительнымъ вопросомъ о **выгодѣ**, которую мы можемъ изъ него извлечь. Это—живое чувство солидарности съ дорогими, отошедшими; любить родину, значитъ **горѣть** и **ней** **сердцемъ** независимо отъ того, сулитъ ли она намъ радость или страданіе.

Увы, именно этого горѣнія сердца мало, слишкомъ мало въ современномъ націонализмѣ; и оттого то онъ оказался столь непрочнымъ и столь безсильнымъ въ борьбѣ съ интернаціоналистическими теченіями! То, что называется въ настоящее время «патріотизмомъ» или «націонализмомъ», далеко не всегда здоровое и безкорыстное чувство. Современный націонализмъ насыщенъ экономизмомъ, отравленъ тѣмъ «барышничествомъ», о которомъ говоритъ профессоръ Веберъ.—Эта отравка и есть то, что въ наши дни всего болѣе дискредитируетъ національное чувство.

Развѣ мало на свѣтѣ патріотовъ, которые любятъ отечество потому, что оно является для нихъ выгодною аферою! Развѣ мы не наблюдали этотъ патріотическій аферизмъ и въ Россіи, и въ Германіи? И развѣ не онъ поставилъ эти недавно цвѣтущія страны на край гибели? О чемъ мечтали люди, твердившіе на всѣ лады Deutschland, Deutschland über alles: о **новыхъ** рынкахъ, территорияхъ, портахъ и путяхъ сообщенія, иначе говоря, о **всемірномъ владычествѣ германскаго капитала**. Этотъ соблазнъ заражалъ всѣхъ; имъ прельстились не только имущіе классы, но и рабочія массы, которыя воодушевились войною, какъ способомъ подчинить другія страны экономическому господству Германіи! Этотъ шовинистическій подъемъ не былъ здоровымъ, безкорыстнымъ патріотизмомъ, и вотъ почему онъ кончился такимъ постыднымъ крахомъ.

Нужно ли доказывать, что и въ дореволюціонной Россіи было сколько угодно образчиковъ такого же дѣловаго, коммерческаго патріотизма. Патріотизмъ былъ связанъ съ разнообразными выгодами для господствующаго племени,—съ привиллегія,

ми по службѣ, со всякаго рода экономическихъ преимуществами; на немъ дѣлали карьеру, имъ же пользовались, чтобы наживаться на счетъ инородцевъ, скупать по дешевой цѣнѣ польскія имѣнія и брать взятки съ евреевъ. Нерѣдко въ форму шовинистическихъ еврейскихъ погромовъ облекались тѣ самыя социальныя инстинкты и аппетиты, которые потомъ нашли себѣ удовлетвореніе въ большевизмѣ.

Вообще говоря, большевистское пониманіе «соціалистическаго отечества» представляетъ собою естественное превращеніе корыстнаго «патріотизма» низшаго сорта, ибо для него «отечество тамъ, гдѣ выгоды». «Соціалистическое отечество» это то государство, которое отдаетъ рабочему фабрику, крестьянину—землю, а «бѣднотѣ»—все прочее достояніе имущихъ классовъ. Это—отечество для тѣхъ, кому оно даетъ щедрые подарки. Соответственно съ этимъ въ «соціалистическомъ отечествѣ» классы мѣняются ролями: «Людьми безъ родины въ немъ оказываются не пролетаріи, а буржуи».

Въ общемъ, основная причина кризиса патріотизма и у насъ, и въ Германіи—одна и та же. Когда любовь къ родинѣ оправляется корыстью, когда отечество становится аферою, оно ничего не горюитъ ни сердцу, ни чувству долга: разъ оно перестаетъ быть святыней, его совершенно позволительно промѣнять на другую аферу, болѣе выгодную. Это и есть причина, почему націи, еще такъ недавно могущественныя и, казалось бы, крѣпко спаянныя, теперь стоятъ передъ опасностью полнаго распыленія: экономизмъ, сбывшій народныя массы и не сдержанный какими-либо нравственными началами, грозитъ разорвать не только связь національную, но и всякую вообще общественную связь между людьми. Гдѣ люди связаны между собою только выгодами, тамъ «человѣкъ человѣку—волкъ» въ буквальномъ смыслѣ слова. Если, дѣйствительно, предпочтеть отечеству выгоду классовую, то во имя чего долженъ человѣкъ жертвовать для своего класса выгодой личной? Чѣмъ классовый эгоизмъ лучше эгоизма индивидуальнаго? Почему стая хищныхъ волковъ заслуживаетъ предпочтенія передъ волкомъ одинокимъ? Тотъ практический матеріализмъ, который все болѣе и болѣе завладѣваетъ жизнью, въ корнѣ разрушаетъ общежитіе, а потому грозитъ довести человѣческое общество до послѣднихъ ступеней разложенія.

Въ Россіи это паденіе выразилось прежде всего въ полномъ забвеніи идеи націи. Когда началось у насъ постыдное бѣгство съ фронта, открывшее врагу дорогу въ центръ Россіи, калужане говорили: «Мы калужскіе, намъ моря не нужны», а въ то же время и саратовскіе утѣшали себя тѣмъ, что «до Саратова нѣмецъ не дойдетъ». И, что всего ужаснѣе, въ эти дни крушенія Родины настроеніе народныхъ массъ было праздничное, ликующее, народъ радовался «завоеваніемъ революціи», иначе говоря, тѣмъ подачкамъ, за которыя онъ отдалъ отечество—лишней десятинѣ земли для крестьянина, прибавкѣ платы и сокращенію рабочихъ часовъ для рабочаго. Невольно вспоминается одна мрачная характеристика, данная римскому обществу въ вѣкъ паденія Западной имперіи, въ дни вторженія въ нее варваровъ. По словамъ Сальвиана — писателя того времени—«римскій народъ умираетъ и хохочетъ» (*moritur et ridet*).— Не у насъ однихъ наблюдалось это радостное настроеніе въ минуту величайшей опасности. Германскія газеты совершенно тѣми же словами характеризуютъ настроеніе первыхъ дней рев. люціи: «Народъ ликуетъ», «народъ полонъ радостнаго энтузіазма», «народъ торжествуетъ великую побѣду революціи». Это все та же корыстная радость о грядущемъ классовомъ благополучіи въ минуту величайшей національной катастрофы. И такъ же, какъ у насъ, она не нарушалась ни угрозой вражеской оккупации, ни перспективой полнаго внутренняго распада государства. Баварцы, жители прирейнскихъ провинцій, оказываются неожиданно похожими на «калужскихъ и саратовскихъ».

IV.

Теперь намъ становится понятнымъ то обращеніе войны фронтомъ внутрь о которомъ я говорилъ въ началѣ этой статьи. Въ напряженной борьбѣ за жизнь обнаружались и свѣтлыя и темныя возможности, таившіяся въ воюющихъ народахъ. Съ одной стороны, война вызвала подвиги самопожертвованія и любви, проявленія высшаго героизма въ избранныхъ, лучшихъ людяхъ. Но съ другой стороны, она пробудила звѣря въ чловѣкѣ, обнаружила и разнуздала въ немъ ту сатанинскую силу зла, которая въ мирное время сдерживается страхомъ передъ властью. И зло оказалось сильнѣе добра, главнымъ двигателемъ войны былъ все-таки коллективный эгоизмъ, а не безкорыстная побужденія. Отсюда—

всѣ тѣ стадіи общественнаго разложенія, которыя были вызваны войною у насъ и у сосѣднихъ съ нами народовъ.

Въ международныхъ отношеніяхъ господствуетъ тотъ же законъ кровавой борьбы за существованіе, который царствуетъ въ низшей природѣ. Передъ каждымъ народомъ ежеминутно становится альтернатива—поѣдать другихъ или самому быть съѣденнымъ. Къ этой общей причинѣ сводятся и войны, вызванныя экономическимъ соперничествомъ, и войны превентивныя. Но въ дни паденія духовныхъ цѣнностей всякія связи между людьми становятся столь же шатки и непрочны, какъ и связи международныя. При этихъ условіяхъ всякій экономической антагонизмъ можетъ стать источникомъ войны, и, прежде всего—антагонизмъ классовой, который во многихъ отношеніяхъ острѣе и глубже антагонизма международнаго.

Та социальная революція, которая происходитъ у насъ и въ сосѣднихъ странахъ, представляетъ собою неумолимо послѣдовательное превращеніе мировой войны, примѣненіе ея началъ ко всѣмъ сферамъ общественной жизни. Международная политика, приведшая къ войнѣ, велась на началахъ готтентотской морали: добро — это когда я украду коровъ, а зло—это когда ихъ у меня украдутъ. Нужно ли удивляться, что, въ концѣ концовъ, эта мораль обратилась противъ тѣхъ государствъ, которыя ее примѣняли. Если хороши всѣ тѣ средства, которыя служатъ пользамъ и выгодамъ моего народа, то почему же подъ «моимъ народомъ» должна подразумѣваться непременно нація, а не классъ? Съ точки зрѣнія господствующаго въ наши дни матеріалистическаго жизнепониманія, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать эгоизмъ національный эгоизму классовому; марксисты вполне послѣдовательны въ своемъ утвержденіи, что на свѣтѣ существуютъ только двѣ націи, борющіяся между собою не на жизнь, а на смерть,—капиталисты и пролетаріи.

Поэтому, нечего удивляться, что теперь на нашихъ глазахъ во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ „націй“ примѣняется та самая готтентотская мораль, которая раньше господствовала въ международныхъ отношеніяхъ. Добро—это то, что служить пользѣ пролетаріата, а зло—все то, что ей противорѣчитъ. Въ этомъ положеніи—вся сущность большевизма. Исходя изъ него, большевики примѣняютъ и проводятъ во внутренней политикѣ всѣ тѣ лозунги, во имя которыхъ ве-

лась до сихъ поръ война международная. „Польза“ пролетаріата, какъ она понимается большевиками, требуетъ безпощадной войны противъ буржуазіи — войны до полного ея истребленія. И вотъ совѣтская власть въ Москвѣ провозглашаетъ „войну до побѣднаго конца“; прошлой зимой я читалъ въ одномъ большевистскомъ воззваніи, что, покуда живъ хотя бы одинъ помѣщикъ, капиталистъ или офицеръ, „соціалистическое отечество въ опасности“.

Всѣ мы помнимъ, какъ нѣмцы, наиболѣе послѣдовательно проводившіе на практикѣ „мораль войны“, объявили всякія соображенія справедливости и человѣчности въ отношеніи къ врагу „сентиментальностью и бредомъ“, какъ на этомъ основаніи они признавали недѣйствительными всякія международныя обязательства и объявляли договоры „клочкомъ бумаги“. Въ этомъ отношеніи большевики — достойные ученики и подражатели нѣмцевъ; но только для нихъ тотъ „непріятель“, въ отношеніи къ которому все дозволено, не какое-либо иное племя, а буржуазія всѣхъ странъ. По отношенію къ ней большевики до мелочей усвоили всѣ выработанные войной приемы и всю военную терминологию нашихъ дней. „Заложники“, „реквизиція“, „аннексія помѣщичьихъ земель“, „контрибуція съ капиталиста въ“, — всѣ эти ходячіе термины большевистской внутренней политики заимствованы изъ германской военной практики. И это не удивительно. Несмотря на лицемерный пацифизмъ большевизма, война составляетъ его сущность, его душу. У него нѣтъ никакой другой программы, кромѣ войны противъ имущихъ классовъ, и никакого иного способа дѣйствія, кромѣ вооруженнаго насилія.

Въ чемъ заключается наиболѣе яркая черта государственной жизни большевистскаго сѣвера? Въ томъ, что онъ обратился цѣликомъ въ одинъ военный лагерь и въ томъ, что тамъ война внутренняя, война безпощадная, проникла въ каждую деревню и въ каждую семью. Въ деревняхъ идутъ непрерывные бои между трудящимся крестьянствомъ, которое именуется „кулаками“ и кабацкой голью, которая выступаетъ подъ именемъ „бѣдноты“. А о томъ, что происходитъ въ семьяхъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, который мнѣ пришлось наблюдать въ Москвѣ въ дни октябрьскаго большевистскаго разстрѣла. Отецъ принадлежалъ къ правящимъ большевистскимъ сферамъ, мать была кадетка, а сыновья — офицеры — сражались въ рядахъ добровольцевъ противъ большевиковъ.

Таковы тѣ благодѣянія, которыя большевизмъ сулилъ не одной Россіи, а всему міру, ибо по самой своей сущности онъ — всемірно завоевательное движеніе. Новая мировая война составляетъ для него жизненную необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, готъ коммунистическій строй, который проводится большевиками въ жизнь, существуетъ или вездѣ, или нигдѣ. Пока онъ осуществляется въ одной Россіи, онъ представляетъ собою чистѣйшую утопію. Если мои капиталы и недвижимость конфискованы въ Москвѣ, а въ то же время я могу владѣть и тѣмъ и другимъ въ Кіевѣ, въ Лондонѣ или Парижѣ, это значитъ, что и въ Москвѣ не существуетъ ни равенства, ни коммунизма въ точномъ смыслѣ слова. Всякія попытки осуществить коммунизмъ въ Россіи при этихъ условіяхъ ведутъ только къ эмиграціи изъ нея капитала въ другія несоціалистическія страны, т. е. къ полному ея обнищанію. Нельзя говорить о коммунизмѣ въ Совдепіи и въ томъ случаѣ, если всѣ проживающіе въ ней иностранцы, въ силу международныхъ договоровъ, должны пользоваться всѣми правами индивидуальной особенности на капиталъ и на землю. Для осуществленія коммунизма въ Россіи, слѣдовательно, необходимо, чтобы онъ былъ осуществленъ во всемъ мірѣ. А это достижимо лишь путемъ всемірной войны, точнѣе говоря, путемъ перенесенія гражданской войны во всѣ страны вселенной. Этимъ предрѣшается грядущая судьба большевизма. Зажечь мировой пожаръ, возбудить новую всеобщую войну для него — единственный якорь спасенія. Онъ или самъ погибнетъ, или же сдѣлаетъ во всемъ мірѣ то, что онъ сдѣлалъ въ Россіи, т. е. поставитъ въ каждомъ городѣ и деревнѣ брата на брата и отца на сына. Въ какой мѣрѣ тѣ или другія страны міра подвергнутся большевистской заразѣ, этого мы пока предрѣшить не можемъ. Одно представляется достовѣрнымъ: движеніе, коего все содержаніе сводится къ войнѣ и насилію, есть сила только разрушительная, а не созидательная; поэтому оно въ самомъ себѣ носитъ зародышъ собственнаго разрушенія и гибели.

Большевизмъ, несомнѣнно, болѣзнь эпидемическая, но, какъ и всѣ эпидеміи, она имѣетъ опредѣленный срокъ теченія, послѣ котораго ядъ долженъ потерять свою силу. Намъ предстоитъ теперь поговорить о тѣхъ признакахъ грядущаго исцѣленія, которые уже намѣчаются изжившей большевизмъ Свѣрной Россіей.

V.

Въ качествѣ силы, разлагающей общество на непримиримые классы, большевизмъ есть факторъ общественнаго гніенія. Соответственно съ этимъ и вопросъ, на который намъ предстоитъ отвѣтить, ставится такимъ образомъ. Есть ли у насъ живыя общественныя силы, на которыя возможно опереть будущее государственное строительство? Возможенъ ли у насъ тотъ, хотя бы временный, классовый миръ, который для этого требуется? За неимѣніемъ данныхъ относительно другихъ странъ, приходится пока ставить этотъ вопросъ не въ мировомъ, а только въ русскомъ масштабѣ.

Перспективы земного рая, коими большевизмъ соблазняетъ народныя массы—не болѣе, какъ обольстительный миражъ, который мнѣ издала. Какъ только мы подходимъ къ нему вплотную, мнимый рай превращается въ адъ, ибо, прежде всего, это—царство всеобщей взаимной ненависти, гдѣ идетъ нескончаемое междоусобіе: милліоны завистливыхъ очей слѣдятъ тамъ, за всякимъ приростомъ человѣческаго благополучія. Стоитъ напомнить, какому-нибудь трудолюбивому хозяину изъ крестьянъ сколько-нибудь улучшить свою долю, какъ тотчасъ онъ попадаетъ въ категорию «кулака» и тѣмъ самымъ обрекается на ограбленіе. Всякій стимулъ къ труду и пріобрѣтенію тѣмъ самымъ убить. Отнятыя у помѣщиковъ поля остаются незасѣянными, а подвозъ продовольствія извнѣ становится невозможнымъ въслѣдствіе войны со всѣми некоммунистическими сосѣдями, на которую роковымъ образомъ обрекаетъ себя большевистское царство. Такъ идеаль всеобщей сытости рождаетъ голодъ: это не случайность, а необходимая принадлежность всего большевистскаго общественнаго строенія.

Изъ голода и ненависти рождаются возстанія, которыя въ Совдепіи становятся неизбѣжно зломъ хроническимъ; возстанія эти подавляются пулеметами и снова вспыхиваютъ. «Соціалистическое отечество» находится въ состояніи непрерывной опасности и потому непрестанно требуетъ жертвъ отъ своихъ гражданъ, но въ обществѣ, гдѣ все строится на эгоистическомъ расчетѣ, о жертвахъ добровольныхъ—по чувству долга или безкорыстной преданности—не можетъ быть и рѣчи. Да и кому можетъ быть дорого «отечество», превращающее человѣческое общество въ звѣринецъ? Оно привлекательно издала для тѣхъ народныхъ массъ, которыя его не изжили, и отвратитель-

ускользаетъ отъ поверхностнаго наблюденія. Зарождается мощное религіозное движеніе, всюю своею сущностью и всѣми своими историческими корнями глубочайшимъ образомъ связанное съ движеніемъ національнымъ. Наблюдается явленіе, столь часто повторяющееся въ исторіи. Крушеніе матеріальнаго благополучія становится стимуломъ духовнаго возрожденія; сытое довольство часто ведетъ къ полному угасанію духовной жизни. Насоборотъ, страданіе выковываетъ силы духовныя; разочаровавшись въ матеріалистическихъ упованіяхъ, люди испытываютъ тоску по утраченнымъ святынямъ.

Изъ мѣстностей, отвоеванныхъ донцами у большевиковъ, въ Воронежской губ., получались извѣстія, что казаки были изумлены той радостью, которую всюду вызывало ихъ появленіе. Ихъ встрѣчали крестными ходами, моленіями, обильными слезами радости. Эти крестные ходы не то механическое исполненіе обряда, къ которому мы привыкли. Благодаря гоненіямъ, которымъ подвергаются на сѣверѣ церковь, иконы, храмы, крестные ходы приобрѣли для народа то значеніе, котораго они не имѣли въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Несмотря на эти гоненія, а скорѣе всего именно благодаря имъ, чувствуется глубокая непреодолимая потребность народныхъ массъ—собраться вокругъ церковнаго стяга. И стягъ этотъ теперь—зная не только церковное, но и національное, потому что народъ, собирающійся вокругъ своихъ историческихъ святынь въ цѣляхъ ихъ защиты противъ насильниковъ, есть олицетворенная противоположность интернаціонала.

Мнѣ вспоминаются въ частности московскіе крестные ходы, происходившіе минушею зимою и весною. Надо ихъ было видѣть, чтобы почувствовать мощь того народнаго движенія, которое въ нихъ выражалось. Московская Красная площадь была ими заполнена такъ, какъ она не заполнялась никогда въ былыя времена, даже въ дни коронаціи. Съ высоты кремлевскихъ стѣнъ за шествіемъ наблюдали представители «Совнаркома», которые потомъ измѣрили Красную площадь и выяснили, что она вмѣщаетъ полмилліона; такого количества революціонныхъ шествія никогда не собирали. А при этомъ, когда организовался первый такой крестный ходъ—одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ,—участники его не знали, что ждетъ ихъ на Красной площади—моленіе или пулеметь. Въ каждомъ приходѣ десятки и сотни людей въ этотъ день причащались, готовясь къ смерти; многіе приходы запаздывали

на площадь изъ-за огромнаго, небывалаго въ январѣ количества причастниковъ. И когда эти массы вступали на Красную площадь, онѣ начинали неудержимо пѣть «Христось воскресе». Это былъ какъ бы переходъ отъ смерти, къ которой они готовились,—къ жизни.

Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый шагъ на пути становленія Россіи, какъ національнаго цѣлаго. Ее раздѣлила классовая вражда.

Но, на этой площади, гдѣ люди всѣхъ званій и состояній пѣли „Христось воскресе“, не было розни, всѣ классовыя перегородки были опрокинуты и позабыты. Быть можетъ, именно здѣсь, во время этихъ крестныхъ ходовъ, русскіе граждане впервые за всю эпоху революціи почувствовали себя единымъ народомъ. Едва ли не въ этомъ—разгадка той фанатической вражды, которую большевики питаютъ къ церкви: она примиряетъ враждующіе классы, упраздняетъ противоположность буржуевъ и пролетаріевъ и возстанаавливаетъ всенародное единство. Я помню типическій случай, когда большевики въ Москвѣ закрыли Варваринскую религиозно-просвѣтительную аудиторію, сооруженную православными рабочими. Жалобы рабочихъ остались безъ послѣдствій; имъ было указано, что въ названной аудиторіи возсѣдаютъ за единымъ столомъ и мирно бесѣдуютъ буржуи и рабочіе, но что именно этого совѣтская власть допустить не можетъ.

Всѣ эти многочисленныя и характерныя для народнаго строенія факты оставались безъ вниманія, а то и вовсе замалчивались нашей періодической печатью. Религіозное движеніе, совершавшееся и въ православіи, и въ иныхъ исповѣданіяхъ, осталось совершенно за предѣломъ ея кругозора. А, между тѣмъ, за всю революціонную эпоху это, безъ сомнѣнія, самый крупный историческій фактъ положительнаго значенія. Въ эти дни всеобщаго, стихійнаго озвѣрѣнія только храмы, да хоругви, вокругъ которыхъ собирались народныя массы, напоминали имъ, что они—люди, а не шакалы; только на этомъ могутъ основываться и всѣ надежды на будущее государственное строительство Россіи. Нельзя составить государство изъ людей, для которыхъ встрѣтиться—значить пожирать другъ друга. Для государственности нужно очеловѣченіе общества; нужна сила, которая подняла бы людей надъ матеріальными интересами; нужно, чтобы имъ открылась область чистыхъ безкорыстныхъ побужденій. Не какая-нибудь выду-

манная теоретиками «гражданская мораль» может одержать эту великую победу надъ звѣремъ въ человѣкѣ; для этого требуется тотъ могущественный духовный подъемъ, который не боится мученій. И онъ у насъ явился.

И государственное, и общественное строительство возможны лишь при одномъ условіи: должны быть восстановлены духовныя основы разрушеннаго обществѣ. Пока не сдѣлано это первое, основоположное дѣло, безсильна и политика и оружіе: всякое общественное строеніе обречено на разрушеніе, кто бы его ни строилъ,—Учредительное Собраніе, директорія или единоличная власть диктатора. Восстановленіе духовнаго единства націи осуществляется не законодательными и административными мѣрами, а внутреннимъ жизненнымъ процессомъ, который совершается въ душѣ народной. Я не рѣшаюсь утверждать, что этотъ поворотъ отъ смерти къ жизни уже совершился. Но, всматриваясь въ народныя настроенія Сѣвера, я не сомнѣваюсь, что онъ совершается.

VI.

Тутъ мы сталкиваемся опять-таки съ крупными историческими фактами, которые систематически замалчиваются нашей печатью вслѣдствіе невѣроятнаго непониманія, или, скорѣе, невниманія къ явленіямъ духовной жизни. Вслѣдствіе этого, широкимъ общественнымъ кругамъ осталась совершенно неизвѣстною огромная организационная работа всероссійскаго церковнаго собора. А, между тѣмъ, она была не только актомъ церковнаго строительства, но, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и великимъ національнымъ дѣломъ.

Тутъ совершился одинъ изъ тѣхъ парадоксальныхъ фактовъ, которые такъ часто повторяются въ исторіи духовной жизни народовъ. Въ дни мірскаго благополучія при царской власти церковь находилась въ состояніи глубокаго униженія и упадка. Наоборотъ, катастрофа мірскаго порядка оказалась для нея началомъ творческой работы и подъема. Въ минуту когда все кругомъ разлагалось и рушилось, церковь стала собираться и возрождаться изъ развалинъ. Я не стану здѣсь говорить о томъ, что было чисто церковнаго въ этой работѣ, которая перестроила все церковное управленіе на началахъ автономіи и соборности. Я скажу только о томъ, что было сдѣлано для собиранія Россіи, для русскаго національнаго единства.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо принять во вниманіе ту историческую обстановку, среди которой соборъ работалъ. Со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о растущей анархіи и смутѣ, о трусливомъ бѣгствѣ армии съ фронта, о массовыхъ избиеніяхъ офицеровъ и интеллигенціи, о мученичествѣ звѣрски избиваемыхъ служителей алтаря и о полномъ распаденіи Россіи. Понятное дѣло, вся работа собора явилась ствѣтомъ на эту разруху. На первый планъ сама собою выдвинулась мысль о восстановленіи того духовнаго единства, которымъ нѣкогда держалась разсыпанная нынѣ хранина Россіи. Пробудились историческія воспоминанія о томъ, какъ нѣкогда русская земля собиралась вокругъ алтаря, какъ св. Сергій вдохнулъ въ нее мужество чтобы сбросить татарское иго, и какъ въ XVII вѣкѣ среди великой смуты, во многомъ подобной нынѣшней, явился духовный вождь въ лицѣ патріарха Гермогена, который также сумѣлъ вдохнуть мужество въ полки Минина и Пожарскаго.

XVII вѣкъ, дѣйствительно, богатъ аналогіями съ нынѣшними временами второй великой смуты. Тогда войско, осаждавшее Троице-Сергіевскую лавру, состояло всего лишь на одну треть изъ поляковъ, а на двѣ трети изъ русскаго сброда, приманеннаго обѣщаніемъ грабежа. То были тогдашніе большевики. А въ то же время бѣдре говорили, что лучше Владиславу присягать, чѣмъ отъ своихъ холоповъ битую бычь. И, несмотря на эти грозные признаки общественнаго гнѣнія, Россія вышла цѣлою изъ развалинъ, потому что жива была духовная сила, которая могла ее возсоздать. Но та же сила жива и теперь: въ этомъ заключалась главная надежда всероссійскаго церковнаго собора и руководящій мотивъ его дѣятельности; надежда эта выразилась въ особенности въ важнѣйшихъ изъ всѣхъ дѣяній собора,—въ восстановленіи патріаршей власти.

Смута, царившая не только въ государствѣ, но и въ церкви, породила непреодолимую потребность въ духовномъ вождѣ, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и олицетвореніемъ духовнаго единства Россіи, какъ національнаго цѣлаго. Отсюда та неодолимая „тяга къ патріаршеству“, которая обозначилась съ первыхъ же засѣданій собора; при этомъ подъ влияніемъ историческихъ воспоминаній о смутномъ времени и о Гермогенѣ самая мысль о патріарствѣ связывалась съ ожиданіемъ великаго подвига самоотверженія, къ которому призванъ будущій духовный глава русскаго православнаго народа.

За всю революціонную эпоху я не помню ничего подобнаго тому мощному патріотическому подъему, который чувствовался всѣми на соборѣ. Не забудемъ при этомъ, что въ немъ участвова и люди всѣхъ званій и состояній.

Были среди соборянъ и скептики: они опасались, что возстановленіе патріаршества поведетъ къ торжеству духовнаго деспотизма и крушенію соборнаго начала. Они указывали, что не бываетъ подвижниковъ по должности, что никакая внѣшняя реформа не въ состояніи родитъ героя, а тѣмъ болѣе—духовнаго вождя. Но тщетны были ихъ предостереженія. Влекомый неудержимымъ порывомъ, соборъ не внялъ ихъ доводамъ и оказался правымъ. Значеніе преобразования превзошло самую смѣлую ожиданія.

Прежде всего, самый фактъ возстановленія патріаршества означалъ рѣшительный разрывъ церкви съ многозѣковой традиціей духовнаго рабства. Вѣдь, въ свое время патріаршество было уничтожено именно для того, чтобы лишить церковь всякой самостоятельности. Императоръ Петръ I хотѣлъ, чтобы не патріархъ, а царь былъ главой церкви. Это и было началомъ той свѣтской опеки, которая цѣлыхъ двѣсти лѣтъ душила церковь въ своихъ объятіяхъ. Возстановливая патріаршую власть, церковь тѣмъ самымъ торжественно возвѣщала свою свободу и независимость отъ свѣтской власти. Какова бы ни была эта власть, у церкви есть отнынѣ свое собственное возглавіе. Но этого мало. Съ освобожденіемъ тутъ связывался внутренней органической процессъ исцѣленія. Была въ возведеніи патріарха одна символическая подробность, о которой нельзя вспомнить безъ глубокаго волненія. Патріарха выбирали подъ громъ орудіежныхъ выстрѣловъ въ октябрьскіе дни московскаго большевистскаго возстанія.

Это не случайно: избраніе патріарха—эт.го живого олицетворенія духовнаго единства русскаго православнаго народа, было прямымъ ствѣтомъ церкви на братоубійство и междоусобіе, пришедшее въ государствѣ. Избраніемъ этимъ она какъ бы говорила: «Вотъ знаменосецъ, вокругъ котораго отнынѣ должны собираться всѣ тѣ вѣрующіе, которымъ дорога Россія».

И самое «столованіе», т. е. интронизація патріарха, происходило въ разстрѣлянномъ Кремлѣ, подъ пробитой снарядами главою Успенскаго собора. При этихъ условіяхъ оно производило впечатлѣніе во-истину чудесное. Снаружи соборяне создавали яркое символическое изображеніе церкви-собора съ но-

врежденною главою. А внутри, среди общаго молитвеннаго подъема, совершилось чудесное исцѣленіе: въ лицѣ патріарха духовное возглавіе русской церкви было торжественно возстановлено.

Чтобы измѣрить необъятное значеніе этого событія, нужно глубоко пережить настроеніе, среди котораго въ Москвѣ рождалось патріаршество. Точно въ лицѣ патріарха сосредоточилась вся надежда и вся молитва православнаго народа о спасеніи Россіи. Вотъ почему, когда, среди небывалой скорби тѣхъ страшныхъ дней, явился народу патріархъ, какъ живой образъ лучшаго прошлаго въ древнемъ облаченіи и въ клобукѣ XVII вѣка, почувствовалась небывалая, свѣтлая радость. Почувствовалось, что Россія духовно жива, несмотря на царящую кругомъ смерть и разрушеніе. Она здѣсь, въ этомъ собраніи молящихся, и мы видимъ ея духовное единство въ живомъ личномъ воплощеніи.

Самый способъ избранія патріарха въ необычайной мѣрѣ возвышаетъ его религиозное значеніе. Имя его указывается жребіемъ изъ трехъ кандидатовъ, избранныхъ соборомъ, и самый жребій вынимается въ храмѣ по окончаніи литургіи среди совершаемаго всѣмъ соборомъ моленія. При этихъ условіяхъ патріархъ для вѣрующаго православнаго народа—не избранникъ людей, а избранникъ Божій. Кто видѣлъ слезы на глазахъ членовъ собора, когда во храмѣ Спасителя старецъ-молитвенникъ Алексій изъ Зосимовой Пустыни вынулъ изъ ковчега имя патріарха Тихона, кто почувствовалъ радостный подъемъ пропѣтаго всѣмъ соборомъ «аксіось»,—тотъ пойметъ, что это—не пустая формула. Для живой вѣры православнаго народа, олицетворяемаго соборомъ въ лицѣ патріарха Тихона, и въ самомъ дѣлѣ стало явно Божіе избраніе.

Всѣмъ этимъ объясняется многое въ послѣдующей судьбѣ патріарха. Живая вѣра, всоудушвлненная соборная молитва, духовный подъемъ, рожденный среди великихъ и тяжкихъ испытаній,—и есть та нравственная атмосфера, которая дѣлаетъ возможнымъ великое и чудесное. Нужно ли удивляться, что патріархъ, избранный въ такую минуту, въ такомъ настроеніи, оказался не угрозой свободѣ церкви, а возглавіемъ и центромъ ея соборной жизни. Самъ онъ говорилъ о себѣ, что онъ «плоть отъ плоти и кость отъ кости собора». Но сверхъ этого снѣ даль церкви и Россіи еще нѣчто, что можетъ быть дѣломъ собора—личный подвигъ. Сбылись самыя смѣлыя

ожиданія. Въ лицѣ патріарха Тихона второе «смутное время», и въ самомъ дѣлѣ, нашло своего Гермогена: въ этомъ едва ли не самое чудесное изъ современныхъ переживаній.

Для самихъ избирателей патріарха это оказалось полной неожиданностью. Всѣ, знавшіе его, были подѣ впечатлѣніемъ исходившаго отъ него излученія доброты—всѣ чувствовали себя согрѣтыми этой добротой святителя, который сочеталъ качества подлиннаго молитвенника съ природной веселостью и добродушнымъ юморомъ и полнымъ отсутствіемъ показнаго лампаднаго благочестія, наводящаго уныніе. Но никто не подозрѣвалъ о той необычайной духовной силѣ, которая таилась въ этомъ скромномъ и смиренномъ обликѣ. Только послѣ возведенія его въ патріархи обнаружилось, что съ добротой нѣжной любящей души въ немъ сочетается несокрушимая твердость алмаза.

Отмѣтимъ, что годовщина его патріаршаго служенія совпадаетъ съ годовщиною большевистскаго владычества, иначе говоря,—съ эпохой явнаго гоненія на церковь. Вступивъ на патріаршій престолъ, онъ сразу всѣмъ сердцемъ восчувствовалъ, что Россія ждетъ отъ него подвига. Его смиреніе было смущено тѣмъ, что это ожиданіе подвига въ вѣрующихъ массахъ переходило въ нетерпѣливое ожиданіе чуда. И каждое его слово, каждое его движеніе показываетъ, что онъ рѣшилъ исполнить архипастырскій долгъ свой до конца, не взирая на послѣдствія. Въ теченіи всего его служенія не прекращаются слухи о предстоящемъ его арестѣ, разстрѣлѣ. Но на всякія предостереженія о грозящей опасности онъ отвѣчалъ со свойственной ему невозмутимостью. Зимой ему, однажды, было сообщено телеграфистомъ, что уже получена телеграмма о выѣздѣ матросовъ изъ Петрограда для его заарестованія. Но и на это, и на сообщеніе, что матросы уже прибыли, и на просьбу скрыться отъ разбойниковъ, владыка отвѣчалъ: «Нѣтъ, я буду принимать просителей сегодня утромъ». И принималъ просителей. Къ счастью, сообщеніе оказалось вздорнымъ.

А врагамъ церкви и Россіи—большевикамъ—онъ подѣ угрозой разстрѣла сказалъ до конца всю правду. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ посланій онъ предалъ ихъ правителей анаемѣ. Когда въ Москвѣ было получено извѣстіе о казни императора Николая II, онъ всенародно заклеилъ это злодѣяніе въ смѣлой проповѣди, сказанной среди переполненнаго молящимися Казанскаго собора, въ духѣ и силѣ митрополита

Филиппа. «Мы должны сказать всю правду,—говорилъ онъ,—хотя бы насъ обвиняли въ контръ-революціонныхъ стремленіяхъ или даже грозили бы намъ за это разстрѣломъ». А къ годовщинѣ владычества большевиковъ онъ направилъ въ совѣтъ народныхъ комиссаровъ посланіе, которое производитъ впечатлѣніе раздавагося съ неба Божьяго грома. Это—рѣшительный и смѣлый обвинительный актъ, въ которомъ утверждается, что все большевистское управленіе Россіей—рядъ неслыханныхъ злодѣяній и преступленій. Заканчивается посланіе призывомъ прекратить междоусобія и казни, освободить узниковъ изъ тѣреть и грознымъ предостереженіемъ—всякъ, взявшій мечъ, отъ меча и пог. бнеть.

Вспомнимъ, что за одинъ фактъ распространенія патріаршаго воззванія съ анаематствованиями нѣкоторые священники подвергались тюремному заключенію и суду за „контръ-революцію“, что черезъ день послѣ патріаршей проповѣди о казни царя послѣдовалъ арестъ одного московскаго священника за панихиду по царѣ, и мы поймемъ, что грозитъ патріарху за его смѣлыя выступленія. Если, однако, онъ живъ доселѣ, это обусловливается, конечно, не тѣмъ, что онъ самъ себя бережетъ. Возможно, что доселѣ именно смѣлость его спасала. Этотъ мужественный святитель успѣлъ стать знаменемъ для православнаго народа. Есть немало людей, которые смотрятъ на патріарха съ тѣми чувствами, съ какими нѣкогда евреи взирали на мѣднаго змія въ пустынѣ. И это обаяніе святителя, эта мощь народныхъ массъ, которая вокругъ него собираются въ дни крестныхъ ходовъ, доселѣ внушало боязливое опасеніе врагамъ церкви. Зимой въ большевистскихъ сферахъ говорили: „Мы знаемъ, намъ центрпопа трогать нельзя“. И это недаромъ. Когда большевики попытались захватить Александрo-Невскую лавру, въ Петроградѣ они встрѣтились съ такимъ напоромъ и такимъ сопротивленіемъ народныхъ массъ, что вынуждены были уступить. И до сихъ поръ они не рѣшаются изъ-за этого сопротивленія провѣдѣть декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства во всемъ его объемѣ.

Патріархъ, возглавляющій православный народъ, такова сейчасъ въ Россіи единственная внушительная сила народная, которая противостоитъ большевизму. Безуміе и дерзость большевиковъ растутъ не по днямъ, а по часамъ. Уже получены извѣстія, что патріархъ подвергнутъ сначала домашнему аресту, а потомъ и тюремному заключенію. Но если, не дай Богъ, съ

нимъ случится что-нибудь недоброе, его дѣло не умереть. Его образъ вдохновитъ борцовъ за Россію. И этимъ святымъ воодушевленіемъ создастся та грозная сила, которая дѣйствительно, будетъ въ состояніи покончить съ большевизмомъ.

VII.

Изъ всего сказаннаго видно, что на Сѣверѣ жива та духовная и общественная сила, отъ которой мы можемъ ждать исцѣленія Россіи. Матеріалистическій идеаль социалистическаго рая потерпѣлъ тамъ полное крушеніе. Въ массахъ поколеблено матеріалистическое жизненіе. Именно, попытки ниспровергнуть всякую святыню вызвали чувство благоговѣнія къ святынямъ. Въ религіозномъ движеніи, происходящемъ въ Совдепѣ, есть положительное начало возстановленія духовныхъ связей, разрушенныхъ войною.

Здѣсь, на Югѣ, патриотизмъ все еще составляетъ монополь государственно-мыслящихъ классовъ, его носительница— героическая Добровольческая Армія и тотъ, пока еще тонкій, общественный слой, который думаетъ и чувствуетъ въ унисонъ съ нею.

Иначе дѣло на Сѣверѣ. Тамъ идея отечества всѣми выстрадана. Черезъ церковь она проникла въ широкія демократическія массы. Я говорю о томъ, что я видѣлъ и осязаль.

И вотъ, я обращаюсь къ вамъ, **дорогіе и доблестные добровольцы**: не смущайтесь тѣмъ, что здѣсь, на Югѣ, вы все еще преимущественно армія офицеровъ безъ солдатъ. *) Когда вы дойдете до родныхъ вамъ равнинъ вегикорусскихъ, вы всѣмъ существомъ вашимъ почувствуете возрожденіе той Россіи, за которую вы сражаетесь. Васъ подхватитъ народная волна и донесетъ она васъ на гребнѣ своемъ до дальняго Сѣвера; тамъ ждутъ васъ радостныя слезы, молитвы и патриаршее благословеніе.

Дни тяжкихъ испытаній для Россіи еще не кончились. Предстоитъ трудная и, быть можетъ, долгая борьба за возсозданіе нашей государственности. Но уже есть тѣ настроенія и

*) Слова эти, произнесенныя въ 1918 году, теперь, когда выходитъ настоящее второе изданіе лекцій, являются къ счастью уже анахронизмомъ. Теперь Добровольческая Армія перестала быть исключительно офицерскою.

общественные элементы, на которые может опереться эта работа. Препятствія для нея велики. Но на Сѣверѣ уже повѣялъ тотъ духъ жизни, который заставилъ русскихъ людей почувствовать ихъ національное единство. Явился духовный вождь, который ежечасно подвизается за Россію: онъ призываетъ всѣхъ насъ къ подвигу и жертвамъ. Имѣющій очи видѣть и уши слышать пойметъ, что народъ, родившій ту свѣтлую духовную силу, которая явилась въ героическомъ образѣ патріарха Тихона, духовно спасенъ; съ этимъ связана и наша надежда на спасеніе русской государственности. Спасеніе это не можетъ быть дѣломъ одной техники. Оно зависитъ болѣе всего отъ факторовъ психическихъ, отъ степени пробужденія нашего сознанія, вообще отъ той силы духа, передъ которой ничто—вѣлнѣ и мощь матеріальной культуры.

Я знаю, здѣсь, на Югѣ, васъ посѣщаютъ частыя сомнѣнія. Вы видите Россію еще больную, разорванную на враждующіе между собой классы. И вы не знаете, жива она или мертва. Псзвольте же мнѣ, бѣженцу съ Сѣвера, отвѣтить на ваши сомнѣнія. Мы тамъ терпѣли и голодъ, и холсдъ, и издѣвательства, и всякую нравственную пытку. Но за то намъ была дана великая радость увидѣть начало воскресенія народнаго. Тамъ, въ Москвѣ, на Красной площади, намъ явилось свѣтлое видѣніе собранной воедино Россіи.

И мнѣ хочется безъ конца повторять вамъ: „Россія жива, она ждетъ васъ въ Москвѣ“.

И когда вы туда придете, вы будете встрѣчены пасхальнымъ гимномъ „Христосъ воскрес!“.

Кн. Евгеній ТРУБЕЦКОЙ.